

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-306-342>

ВОЛЬФГАНГ БОНЗИПЕН

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НА ОСНОВЕ ДВУХ ДОРАБОТАННЫХ
КОНСПЕКТОВ ЛЕКЦИЙ*

АНТОН ФОМИН (пер. с нем.)

Кандидат философских наук, доцент.
МГУ имени М. В. Ломоносова.
119991 Москва, Россия.
E-mail: ontol@philos.msu.ru

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ (пер. с нем.)

Кандидат философских наук, старший преподаватель.
МГУ имени М. В. Ломоносова.
119991 Москва, Россия.
E-mail: alloff2008@yandex.ru

WOLFGANG BONSIEPEN

HEGELS RAUM-ZEIT-LEHRE.
DARGESTELLT ANHAND ZWEIER VORLESUNGSNACHSCHRIFTEN

HEGEL'S DOCTRINE OF SPACE AND TIME,
PRESENTED ON THE BASIS OF TWO REVISED LECTURE NOTES

* Перевод выполнен по изданию: Bonsiepen, Wolfgang: „Hegels Raum-Zeit-Lehre. Dargestellt anhand zweier Vorlesungsnachschriften“, in: *Hegel-Studien* 20 (1985), hrsg. von Nicolin, Friedhelm und Pöggeler, S. 9–38 (Bonsiepen, 1985a, 9–38).

Публикуется с любезного разрешения Felix Meiner Verlag GmbH.

© FELIX MEINER VERLAG GMBH

© ANTON FOMIN, ALEXANDER FROLOV, trans., 2022

ANTON FOMIN (trans. from German)

PhD in Philosophy, Associate Professor.
Lomonosov Moscow State University.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: ontol@philos.msu.ru

ALEXANDER FROLOV (trans. from German)

PhD in Philosophy, Senior Lecturer.
Lomonosov Moscow State University.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: alloff2008@yandex.ru

Ниже представлены два доработанных конспекта лекций¹ Гегеля по философии природы зимнего семестра 1821/22 года. Сопоставление тех фрагментов обоих текстов, где речь идет о пространстве и времени, должно продемонстрировать, насколько по-разному может быть воспринята одна и та же лекция. При этом следует учитывать, что ни один из этих доработанных конспектов не представляет собой запись, сделанную непосредственно во время лекции на слух. Несмотря на то, что как раз в данном случае субъективная компонента, привнесенная составителем, то есть тем, кто занимался обработкой конспекта устной лекции, особенно заметна, в общем все же следует подчеркнуть ценность этой письменной работы. Параграфы «Энциклопедии», которые Гегель разъяснял на своих лекциях, даны настолько сжато, что, взятые сами по себе, зачастую просто непонятны. Очевидно, посредством этой книги Гегель хотел дать в руки своим слушателям путеводную нить, которая помогла бы им ориентироваться в его лекциях. Таким образом, «Энциклопедию» нельзя изучать в отрыве от лекций. По этой причине К. Л. Михелет опубликовал текст данной книги [«Энциклопедии»] в рамках собрания трудов Гегеля, подготовленного «Обществом друзей», вместе с лекциями. К сожалению, это издание является малополезным, так как представляет собой компиляцию различных доработанных конспектов. Желающему же лучше понять ход мысли Гегеля в «Энциклопедии» следует обратиться к этим конспектам по отдельности. В случае натурфилософии имеет смысл ознакомиться также с «Йенскими текстами» (которые теперь содержатся в критическом издании), так как Гегель, согласно исследованию Михелета, пользовался ими еще во время своих лекций берлин-

¹ Подробнее о понимании доработанного конспекта лекций см. предисловие к переводу данной работы. — *Прим. пер.*

ского периода. При этом йенская натурфилософия, очевидно, имеет характер первого, экспериментального проекта, которому не хватает четкой структуры. Кроме того, она связана с логической концепцией, в которой отсутствуют некоторые значимые для натурфилософии категории более поздней «Науки логики».

I

В начале следует сделать несколько замечаний, призванных продемонстрировать непрерывный интерес Гегеля к математическим и естественнонаучным вопросам. Кроме того, следует дать обзор релевантных источников и лекций Гегеля по натурфилософии. Тем самым станет зримым один аспект гегелевского мышления, который до сих пор усматривался недостаточно отчетливо.

1. О ГЕНЕЗИСЕ НАТУРФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

В гимназии Гегель изучал математику как на регулярных занятиях, так и дополнительно. Он пользовался при этом учебниками А. Г. Кестнера и Й. Ф. Лоренца, известных комментаторов Евклида. О сборниках эксцерптов Гегеля К. Розенкранц сообщает следующее: «*Арифметика, геометрия и прикладная математика* взяты преимущественно из работ Кестнера»². В гимназии верхней ступени любимой наукой Гегеля была физика. О тюбингенских годах [своего брата] его сестра пишет: «В студенческие годы у него была трехдневная лихорадка (*Tertian Fieber*), поэтому несколько месяцев он провел в отцовском доме, где в благополучные дни занимался чтением греческих трагедий, своих любимых лекций и ботаникой. Насколько я знаю, в Тюбингене он посещал также занятия по анатомии...» (Nicolin, 1970a, 84). Летом 1791 и 1792 года Гегель брал работы Линнея в библиотеке при богословской семинарии³. Один знакомый Гегеля в то время так отзывался о линеевских штудиях своего приятеля в книге для памятных записей: «Дружба есть растение, которое, — при тщательном уходе, — произрастает на любой почве. Недавно вы утверждали, что ботанику не ожидает больше никаких расширений. Скорее внесите это дополнение в ваши линеевские штудии и помните — как ботаник или небога-

² Ср. (Rosenkranz, 1844, 10); (Rosenkranz, 1969, 14). См. также соответствующие записи в дневниках Гегеля: (Hoffmeister, 1936, 38–43). Также: (Nicolin, 1970a, 61–64), с пояснениями (Nicolin, 1970a, 134–138). Ср. далее (Moretto, 1984, 49).

³ Ср. (Betzenhöfer, 1922, 101).

ник! — вашего искреннего друга М. Сарториуса. Т(юбинген) 7 сентября 1791» (Nicolin, 1977, 151). В Берне Гегель собрал гербарий, частью которого он владел еще в 1807 году. Когда в 1807 году он подавал документы на соискание места профессора ботаники, освободившегося после ухода Шельфера, он ссылаясь на этот гербарий⁴.

Уже эти немногочисленные свидетельства показывают, что путь Гегеля к естествознанию, точнее к натурфилософии, пролегал не только через Шеллинга и его натурфилософские сочинения. Если же посмотреть на Гегеля как на автора так называемой «Старейшей систематической программы немецкого идеализма», это впечатление может быть еще усилено. Здесь Гегель предлагает спуститься в сферу физики и вновь дает ход медленно продвигающейся вперед, кропотливой физике экспериментов:

Итак, если философия укажет идеи, а опыт предоставит данные, мы можем наконец получить общую физику, которую я ожидаю от последующих эпох. Вовсе не кажется, что сегодняшняя физика может удовлетворить творческий дух во всей той необъятности, которая для него характерна, или должна быть характерна. (Jamme & Schneider, 1984, 11)

О натурфилософском и математическом интересе Гегеля свидетельствуют в конце франкфуртского периода «Фрагмент системы» (1800) и «Геометрические исследования» (1800). В первом сочинении речь идет о жизни, но в более широком, не специфически естественнонаучном смысле. «Геометрические исследования» комментируют начало «Элементов» Евклида.

В первый год своего пребывания в Йене Гегель подготовил диссертацию об орбитах планет. К. Розенкранц сообщает о двух утраченных подготовительных работах⁵: о сочинении, представляющем собой чистое вычисление, и о редакции диссертации на немецком языке, по объему втрое большей латинского текста. Нужно иметь в виду, что Гегель занимался этой тематикой еще во Франкфурте, так что в Йене он мог воспользоваться плодами большой подготовительной работы. Розенкранц сообщает также следующее: «Тему этого исследования, — закономерность отстояния планет друг от друга, — он вынашивал уже давно. Выдержки из работ Канта о механике и астрономии, из Кеплера, Ньютона и др. имелись у него значительно раньше» (Rosenkranz, 1969, 151)⁶. Из дальнейшего изложения Розенкранца мы узнаем, что Гегель «...не оставлял

⁴ Ср. (Hoffmeister, 1969, 1141 ff.). (Hegel an Goethe; Jena, Ende Januar 1807).

⁵ Ср. (Nicolin, 1977, 308, Anm. 6).

⁶ Ср. далее (Rosenkranz, 1969, 153, 198).

неизученной практически ни одной знаменитой работы по математике, физике или физиологии» и что «его первоначальное образование в математике и физике было вполне ньютоновским». Гегель делал выписки из естественнонаучных сочинений и самостоятельно проводил эксперименты: «Возможно, это была относительная изоляция в спекулятивном отношении, в которой он очутился из-за ухода Шеллинга, и которая подвигала его к тому, чтобы нагромоздить в маленьком фолианте, которым он дорожил до конца жизни, цветущее непорядоченное разнообразие рефлексий разного рода, цитат из философских и естественнонаучных книг, протоколов собственноручно проведенных экспериментов. “Эксперименты” преимущественно касались “Учения о цвете” Гёте. Однажды Гегель — достаточно плохо — описал, как он, лежа на полу, наблюдал за игрой красок света на своем окне». В своей рукописи лекций по философии природы (1803/04) Гегель сообщает об одном химическом эксперименте, который поставил несколько месяцев назад⁷. Вместе с ученым-естественником Т. Й. Зеебеком и Гёте он продолжал проводить исследования, посвященные учению о цвете⁸. Согласно Розенкранцу, Гегель поддерживал личные контакты с учеными-естественниками:

Среди естественников у Гегеля было тогда много друзей. С большим интересом он изучал естествознание: постигал физиологию у Акермана в Йене, который затем переехал в Гейдельберг, занимался ботаникой у Шельфера, спорил о химии со своим другом и земляком Зеебеком, погружался в фармакологию вместе с Кастнером, который особенно любил его, совершил исследовательскую поездку, в рамках которой добрался до Вестфалии и Геттингена. 30 января 1804 года Йенское минералогическое общество единогласно провозгласило его своим асессором; Общество естествоиспытателей Вестфалии в Брокгаузене 1 августа того же года — своим членом; Физическое общество в Гейдельберге 1 января 1807 года — своим почетным членом. (Rosenkranz, 1969, 220)⁹

По всей видимости, Гегель вступил также в контакт с физиком Й. В. Риттером. В одном из писем Н. Мёллера Гегелю говорится: «Как мне писал Риттер, вы занимаетесь физикой...» (Hoffmeister, 1969, 86 (14.11.1804))¹⁰. О занятиях Гегеля естественными науками в течение этого времени впечатляюще свидетельствуют «Йенские наброски системы». Параллельно с естественнонаучными ис-

⁷ Ср. (Hegel, 1975, 163).

⁸ Ср. (Nicolin, 1970b, 73) (Goethes Tagebuch, 20. 8. 1806).

⁹ Ср. также сохранившиеся документы о членстве, перепечатанные в (Nicolin, 1977, 87 ff.).

¹⁰ Риттер читал лекцию в зимнем семестре 1803/04 годов в Йенском университете о гальванизме, которая была прервана. Ср. данные в (Ritter, 1984, 354).

следованиями он вел достаточно интенсивные математические штудии, о чем свидетельствует разбирательство с основами дифференциального исчисления в йенской «Логике» (1804/05)¹¹. В одном из своих афористичных высказываний, относящихся к тому времени, он сравнивает аналитический метод в математике с действием плохой рефлексии: «Аналитик, как говорит Лаплас, предаётся исчислению, и тем самым у него пропадает задача, то есть обзор и [способность усмотреть] зависимость отдельных моментов вычисления от целого» (Hoffmeister, 1936, 366). Помимо этого, он читал лекции по математике и натурфилософии¹².

После отъезда из Йены Гегель потерял прямой контакт с естественниками. Вероятно, Зеебек преподавал ему исследования в области гальвинизма заочно, а Ван Герт знакомил с дискуссиями о животном магнетизме¹³. Из письма к Нитхаммеру мы узнаём о плане Гегеля написать учебник по математике для гимназии:

Я бы уже давным-давно составил в уме план теоретических занятий по геометрии и арифметике, каким он должен быть в гимназиях, так как в Йене и здесь, на своих лекциях, я обнаружил, что эта наука, не примешивая сюда философию, которая к этому вообще не относится, может рассматриваться намного понятнее и систематичнее, чем обычно, когда не видят, откуда что происходит и куда идет, так как отсутствует какая-либо теоретическая путеводная нить. (Hoffmeister, 1969, 398) (24.3.1812)

Свои математические знания, очевидно, он углубил в то время. В первой книге «Науки логики» (1812) он подробно обсуждает релевантную литературу, цитируя основы высшего анализа¹⁴. 30 июля 1814 года он пишет Х. Э. Г. Паулюсу:

От меня вам известно, что я очень интенсивно занимался не только древней литературой, но также математикой, высшим анализом, дифференциальным исчислением, физикой, естественной историей, химией, чтобы уберечь себя от головокругения натурфилософии, от философствования без знаний и благодаря одному лишь воображению, принимая плоды чистого сумасбродства за [стоящие] мысли. (Hoffmeister, 1969, 31)

¹¹ Ср. (Hegel, 1971, 17 ff.).

¹² Ср. (Kimmerle, 1967, 54f, 76 ff.). Также (Nicolin, 1977, 81–85, 309 ff.). Относительно йенских лекций нам неизвестны какие-либо конспекты.

¹³ Ср. (Hoffmeister, 1969, 172 ff., 211 ff., 219 ff., 399).

¹⁴ Ср. (Hegel, 1978, 153 ff.).

В нюрнбергской гимназии Гегель давал уроки математики для старших классов. В философской энциклопедии для старших классов он рассматривал также естественные науки¹⁵.

В Гейдельберге Гегель вновь смог войти в более тесный контакт с естественниками. Он встретил здесь Ф. Й. Шельфера, на чье место профессора ботаники подавал документы в Йене. Гегель [по-прежнему] придерживался своей спекулятивной естественнонаучной концепции, хотя [среди ученых] между тем стали распространенными отсутствие интереса и отказ от любых метафизических и трансцендентальных концепций природы¹⁶. Naturфилософию «Энциклопедии» (1817) он структурировал яснее, чем йенскую натурфилософию. В летнем семестре 1818 года он читал [лекции] по философии во всем ее систематическом объеме по своему учебнику. При этом на своих дополнительных занятиях, так называемых «диктатах», призванных растолковать основное содержание своей концепции, он ссылался на параграфы «Энциклопедии». Через одного из тех, кто вел записи этих лекций, нам достался систематический обзор натурфилософии [того периода]¹⁷.

Во втором издании «Энциклопедии» (1827), опубликованном Гегелем в его берлинский период, обнаруживается измененная по сравнению с первым изданием структура. Пространство и время больше не рассматриваются в отдельной части под названием «Математика», но перемещаются в раздел о механике, который теперь составляет первую часть натурфилософии. Кроме того, расширяется раздел о физике, поскольку отныне специфическая тяжесть, когезия, звук и тепло рассматриваются в отдельной главе. Вскоре после выхода первого издания «Энциклопедии» Гегель переделал начало. Об этом позволяет судить сохранившийся обзор натурфилософии, в основе которого лежат лекции летнего семестра 1818 года. Доработанные конспекты гегелевских лекций по этой тематике дают возможность проследить процесс реструктуризации его взглядов в деталях¹⁸. Гегель шесть раз читал в Берлине лекции по натурфилософии¹⁹: зимой 1819/20, 1821/22, 1823/24, 1825/26 годов, летом 1828 и 1830 годов. Как явствует из немецкоязычного указателя лекционных курсов, Гегель каждый раз

¹⁵ Ср. (Hegel, 1938, 3 ff.).

¹⁶ Ср. (Engelhardt, 1975, 65).

¹⁷ Ср. (Nicolin, 1969, 28f, 10 ff.).

¹⁸ Ср. первую попытку такого сопоставления (Neuser, 1984, 245–257).

¹⁹ Ср. латинские и немецкие объявления о лекционных курсах, перепечатанные (Nicolin, 1977, 114–125). Ср. также указания Хоффмайстера, который имел в своем распоряжении недоступный нам сегодня материал (Hegel, 1956, 743–749).

ссылался на свой учебник, «Энциклопедию философских наук», в 1828 году — на второе издание, 1830 — на третье, которое вышло только в конце года. Зимой 1819/20 годов Гегель читал пять лекций в неделю, иногда четыре. Число слушателей лекций по натурфилософии было, по данным Й. Хоффмайстера, довольно скромным, по сравнению с другими лекционными курсами. В латинском указателе лекционных курсов зимнего семестра 1821/22 года сказано, что оба лекционных курса — по натурфилософии и по философии права — сопровождаются занятиями с репетитором²⁰. Репетитором Гегеля в это время был Л. ф. Хеннинг. Как преемник Ф. В. Карове он приступил к своим обязанностям уже в летнем семестре 1819 года. Сначала ему разрешалось проводить репетитории только в своей квартире, так как сенат университета настаивал на защите докторской диссертации как необходимом условии для санкционирования публичной деятельности такого рода. 8 июля 1819 года ф. Хеннинг был арестован в ходе так называемого преследования «демагогов»²¹, но вскоре отпущен на свободу. Ему было разрешено продолжать проводить частные репетитории к гегелевским лекциям. В зимнем семестре 1820/21 годов он наконец занял официальную должность репетитора Гегеля, на которой трудился вплоть до лета 1822 года²². Для оценки некоторых доработанных конспектов важно иметь в виду, что лекции Гегеля были сопряжены с репетиториями. Так

²⁰ Репетитором в университетах того времени назывался ассистент лектора, в обязанности которого вменялась проработка содержания лекций вместе со студентами в специально отведенные для этого часы. Чаще всего ассистентом лектора становился молодой начинающий преподаватель. Однако известны случаи, когда ассистентские обязанности возлагались даже на хорошо подготовленных студентов. Репетитории, то есть занятия с репетитором, могли быть частными (это значит, что репетитор не занимал официальной должности, а каждый студент платил за них определенную сумму непосредственно репетитору) или публичными (это значит, что репетитор официально прикреплялся университетом к профессору как его ассистент, а репетитории входили в его, как мы бы сегодня сказали, учебную нагрузку). — *Прим. пер.*

²¹ После Венского конгресса 1814–1815 гг., закрепившего германский партикуляризм, который, по сути, девальвировал все демократические завоевания времен Наполеона, во многих германских землях возникло достаточно стойкое общественное движение, представленное прежде всего студенческими объединениями, так называемыми буршеншафтами (*Burschenschaft*), выступавшее против восстановления старых порядков, призывавшее к демократизации и патриотизму. Преследованию и репрессиям со стороны властей подвергались все те, кто так или иначе симпатизировал этим идеям. Поскольку большинство активных членов этого движения были молодыми людьми, студентами и гимназистами, изучавшими в основном теоретические науки, за ними закрепилось прозвище «демагоги». — *Прим. пер.*

²² Ср. (Lenz, 1910, 57 ff.); далее (Hegel, 1956, 598 ff.).

что вполне возможно, что доработанный конспект лекций по натурфилософии зимнего семестра 1819/20 года, принадлежавший Г. Бернгарди, на самом деле представляет собой переработку, появившуюся на свет в результате участия ее автора в одном из репетиториев. На это могло бы указывать отсутствие членения [текста] на параграфы²³.

Михелет дает исчерпывающий отчет о лекционной деятельности Гегеля:

Гегель аж восемь раз читал лекционные курсы, посвященные натурфилософии: один раз в Йене, между 1804 и 1806 годами, один раз в Гейдельберге, летом 1818 года, и шесть раз в Берлине [...] От йенских лекций у нас осталась полноценная рукопись Гегеля в четверть листа. В Гейдельберге он взял за основу первое издание «Энциклопедии» (1817) и примечания, которые записал на приложенных листах. Для двух первых берлинских лекционных курсов основой снова послужила полноценная рукопись в четверть листа. Для лекций 1823/24 гг. он написал новое введение и приложил к нему новую дополненную рукопись, оба текста *in folio*; однако для этих и позднейших лекций использовались и более ранние тексты, в том числе йенские. Кроме того, для двух последних лекционных курсов Гегель нуждался в качестве путеводной нити во втором издании «Энциклопедии» (1827), тогда как третье [издание] вышло в конце 1830 года. К этим автографическим источникам принадлежит также множество добавленных страниц, которые постепенно присоединялись [к основному тексту] при различных повторениях. Рукописи, которые послужили мне [Михелету] источниками, были следующими: 1. рукопись [лекций] зимнего полугодия 1821/22 составленная мной собственноручно, 2. три записи лекционного курса зимнего семестра 1823/24 гг., [составленные] господином Гауптманном фон Грисхаймом, моим уважаемым коллегой господином профессором Ото и мной, 3. доработанные записи [лекций] летнего семестра 1830 года, подготовленный господином конректором Гейером. (Hegel, 1842, XVIII ff.)

Далее следует характеристика плана берлинской и йенской рукописей. По мнению Михелета, значение йенской рукописи является приоритетным по сравнению с берлинской. Имеется в виду натурфилософия йенской «Реальной философии» (1805/06). Хоффмайстер подробно перечислил места, где в более

²³ Ср. (Hegel, 1982). В этом отношении является интересным рассказ Бориса фон Иксюля о диспуте ученика Гегеля Х. Ф. В. Хинрихса, поскольку он [рассказ] дает понять, как философия Гегеля повторялась на репетиториях. «Гегель уехал, будучи призван обратно в Берлин. Я хотел последовать за ним и клял судьбу, так как здесь не было никого, кто мог бы проникнуть в его великий дух... счастливый случай свел меня с Хинрихсом. Лишь он один был для меня подлинным гегельянцем. Вскоре был организован диспут (Disputatorium), и я был на седьмом небе. 5 месяцев день за днем мы изучали гегелевскую систему. Частенько заседания продолжались до 9.00... Последние 4 недели были для меня чрезвычайно ценными, хотя Хинрихс, приходил к противоречивым и обрывистым выводам, порой неправильно подходу к тексту, часто давал искаженную интерпретацию Гегеля» (Uxkull, 1965, 164).

поздних лекциях, точнее в издании Михелета, присутствуют отсылки к йенской рукописи²⁴. Из материала, перечисленного Михелетом, до нас практически ничего не дошло: так, например, не сохранились пробитый экземпляр первого издания «Энциклопедии» с примечаниями о натурфилософии и берлинские рукописи. Сохранились лишь отдельные страницы, посвященные натурфилософии²⁵. Нет также использованных Михелетом доработанных конспектов лекций, кроме тех, что принадлежали Грисхайму. Но в отличие от Михелета, в нашем распоряжении имеются три доработанных конспекта лекций зимы 1821/22 гг., два из которых будут представлены ниже.

Очевидно, в Берлине Гегель продолжал свои математические штудии. Для второго издания первой книги «Науки логики», которая вышла в 1832 году, уже после смерти Гегеля, он прорабатывал Лагранжа и Кавальери. Их методы рассматриваются в двух новых примечаниях²⁶. Эти тексты не дают понимания событий в новой математике. Гегель ни словом не обмолвился о пионерских работах Коши, хотя его берлинский коллега Э. Х. Дирксен обсуждал их в «Ежегоднике по научной критике», так называемой Гегелевской газете²⁷.

2. ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УЧЕНИЯ ГЕГЕЛЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Уже во «Фрагменте системы» (1800) Гегель обращается к пространству и времени. Он рассуждает о пространстве и времени в связи с первой антиномией «Критики чистого разума» Канта о конечности и бесконечности²⁸. Замечания Гегеля к «Элементарам» Евклида в «Геометрических исследованиях» (1800) говорят о том, что он разделяет точку зрения современного исчисления бесконечно малых. Особое значение он придает понятию точки, границы²⁹. В диссертации об орбитах планет (1801), рассуждая о высшей геометрии, Гегель утверждает, что она не может освободиться от формального метода геометрии и арифметики и достигает в понятии бесконечного лишь отрицательного един-

²⁴ Ср. (Hegel, 1967, 279 ff.).

²⁵ Ср. (Schneider, 1972, 20 ff., 50).

²⁶ Ср. (Hegel, 1985, 273–309).

²⁷ Ср. (Dirksen, 1827, 1257 ff.); (Dirksen, 1829, 211 ff.). Относительно берлинского периода ср. отзыв Гегеля на теорию солнечной системы Т. фон Видербрюкса (Hegel, 1956, 533–541).

²⁸ Ср. (Nohl, 1907, 349).

²⁹ Ср. (Hoffmeister, 1936, 293 ff.). Ср. также (Moretto, 1984, 62 ff.). Ср. далее мою рецензию на книгу Моретто в (Bonsiepen, 1985b, 58–61).

ства пространства и времени, геометрии и арифметики. К абстрактному понятию пространства, полагает Гегель, должно быть добавлено противоположное определение, — определение, вводящее субъективность, — [а именно] точка, время. Точка также именуется «*mens*». Далее Гегель разъясняет переход от точки к линии, а затем к плоскости. Этот переход не может быть объяснен без помощи понятия движения³⁰. Мысль Гегеля, судя по всему, отличается от доминирующего подхода современной ему математики, так как он приписывает точке онтологическое значение. В сочинении «Вера и знание» (1802) содержатся замечания о бесконечном в математике. Гегель приводит пример Спинозы о двух неконцентрических кругах, находящихся друг в друге, который служил тому объяснением истинно бесконечного. Согласно Спинозе, здесь должна образоваться плоскость, которая не может быть определена числом. Следуя в этом за Спинозой, Гегель допускает [существование] актуально бесконечного. Математический метод бесконечных рядов не способен, по мнению Гегеля, схватить эту бесконечность³¹. Однако Гегель не распознает темпорально обусловленный способ аргументации Спинозы, чей математический способ рассуждения обязан «Геометрии» Декарта. Декарт проводит различие между геометрическими и механическими кривыми. Последние непостижимы посредством единого математического закона. Лейбниц же проводит различие между алгебраическими и трансцендентными кривыми. Именно он впервые представляет механические, точнее трансцендентные кривые математически точно³². В своем же примере с находящимися друг в друге неконцентрическими кругами Спиноза говорит о трансцендентной кривой, которая для Лейбница уже вполне поддается математической дескрипции. В известном нам сегодня комментарии на пример Спинозы, Лейбниц говорит, что площадь соответствующей поверхности не дана исключительно посредством конечного числа³³. Таким образом, Лейбниц показал, что с помощью математического метода бесконечных рядов вполне можно концептуализировать эту бесконечность.

В своем разбирательстве с математикой Гегель касается определения отношения между количеством и качеством. В главе о количестве йенская «Логика» (1804/05) развивает диалектику единого и многого, которая ведет к понятию отношения. По Гегелю, только посредством того, что единое и многое мыс-

³⁰ Ср. (Hegel, 1928, 353, 389 ff.).

³¹ Ср. (Hegel, 1968, 357 ff.).

³² Ср. (Moretto, 1984, 225 ff.), (как Anm. 33).

³³ Ср. (Leibniz, 1975, 135 ff.).

лятся во внутреннем отношении друг к другу, может быть преодолено *внешнее количественное*, как, например, вычисление с использованием бесконечно малых величин в дифференциальном исчислении. Бесконечно малые величины должны абсолютно исчезнуть, — здесь Гегель следует Л. Эйлеру, — когда проступит понятие того, что подлежит определению, абсолютное отношение³⁴. Эту концепцию Гегель более внятно излагает в «Науке логики». Йенская «Логика» по-прежнему следует кантовской таблице категорий. Кроме того, здесь отсутствует отдельная глава о мере. Хотя диалектика единого и многого в йенской «Логике» и содержит качественные аспекты, только в «Науке логики» Гегель впервые извлекает отсюда следствия и рассматривает их в главе о качестве. Помимо этого, более поздняя логика вводит новую категорию, а именно категорию чистого количества, значение которой Гегель хочет прояснить при помощи отсылки к понятию Спинозы о подлинно бесконечном, на которое он ссылаясь уже ранее, в «Вере и знании». В отличие от йенской «Логики», «Наука логики» пытается разъяснить качественное значение единицы через негативное отграничение от античной атомистики, с одной стороны, и от лейбницианской «Монадологии», с другой стороны³⁵.

Стремясь достичь корректного понимания гегелевского учения о пространстве и времени, стоит обратить внимание на диалектику единого и многого и понятие чистого количества у Гегеля. Натурфилософия так называемого второго «Йенского наброска системы» (1804/05) проводит различие между системой Солнца и земной системой. В системе Солнца появляется эфир, который обеспечивает единство самотождественного и бесконечного. Моменту самотождественности соответствует пространство, моменту бесконечного — время. Гегель начинает с истолкования времени, далее следуют пространство, время, движение. Абсолютное пространство означает самотождественность, в которой снимается граница. Поскольку в абсолютном пространстве граница как таковая не полагается, оно представляет собой дурную бесконечность. Однако посредством того, что пространство отражает себя в самом себе, граница все же полагается и таким образом [появляются] измерения пространства: плоскость, линия, точка. В точке, которая является одновременно активной и пассивной, пространство переходит во время³⁶. В натурфилософии третьего «Йенского наброска системы» пространство и время истолковываются в нача-

³⁴ Ср. (Hegel, 1971, 18).

³⁵ Ср. (Hegel, 1978, 91 ff.).

³⁶ Ср. (Hegel, 1971, 193 ff., 197 ff., 203).

ле механики. Здесь пространством является наличествующий сам по себе эфир. Оно именуется также непосредственным, блаженным в себе духом. Пространство означает самотождественность, которая имеет абсолютную отрицательность непосредственно в самой себе. Развитие этой отрицательности приводит к появлению измерений пространства. Гегель переходит от точки к линии, а затем к плоскости и к действительному, определенному пространству. Однако он представляет и обратный путь: от плоскости к линии, а затем к точке. Переход пространства во время происходит тогда, когда измерения пространства полагаются только как мыслимые. О точке Гегель говорит, что она и в пространстве, и нет. Точка именуется также абсолютным началом, началом или концом³⁷.

Примечательно, что в этой первой экспозиции своего учения о пространстве и времени Гегель придает особое значение именно точке. Диалектика единого и многого становится здесь релевантной очень конкретным образом. Обозначение пространства как блаженного в себе духа наводит на мысли о Платоне. В этот период Гегель ориентируется на рассуждения Платона о мировой душе. В диссертации об орбитах планет солнечная система понимается им как живое существо, а небесные тела — как боги³⁸. «Йенские наброски системы» обозначают абсолютную материю, точнее эфир, как блаженный дух³⁹. В платоновском же «Тимее» говорится, что демиург создал мир для некоего блаженного бога⁴⁰. В «Феноменологии духа» сущность жизни называется душой мира⁴¹. В диссертации, — для определения расстояния между планетами, — Гегель явным образом прибегает к пифагорейско-платоновскому учению о числах⁴². Вероятно, Гегелю представлялось значимым платоновское различие между бытием, пространством и становлением. Три этих рода существуют уже до возникновения мира. Вечному бытию идей и вечному бытию демиурга Платон противопоставляет непрестанно становящееся бытие чувственного мира. Обе онтологические области соединяются друг с другом через пространство, которое не подчиняется изменчивости, господствующей в чувственно-воспринимаемом мире. Если число, мера и геометрическая форма подлежат возникновению, пространство должно быть оформлено в соответствии с прообразом трансцендентных идей.

³⁷ Ср. (Hegel, 1976, 3 ff., 7, 10 ff.).

³⁸ Ср. (Hegel, 1928, 349).

³⁹ Ср. (Hegel, 1971, 188); (Hegel, 1976, 3 ff.).

⁴⁰ Ср. (Plato, 1971, 34b).

⁴¹ Ср. (Hegel, 1980, 99).

⁴² Ср. (Hegel, 1928, 399 ff.). Ср. также (Bucher, 1983, 77 ff.).

Платон допускает идеальные числа и находится под влиянием пифагорейских рассуждений о числе. В особенности он следует учению пифагорейца Архита, предвосхитившего идеи современной геометрии движения. Согласно Архиту, точка, монада, перерастает в пространстве в линию, затем в плоскость и далее — в тело. Посредством движения точки появляются твердые границы, тем самым впервые становится возможным математическое рассмотрение тел. В отличие от Архита Платон определяет точку, первую единицу, как единицу разума, которая отличается от двоицы дискурсивного разума, от троицы представления и от четверицы чувственного восприятия. В противоположность пифагорейцам Платон полагает числа обособленными от того, что воспринимается чувствами. Тогда как пифагорейцы допускают, что сущее существует через подражание числам, Платон учит о приобщении сущего к идеальным числам⁴³.

Как будет показано в дальнейшем, Гегель не следует пифагорейскому представлению о том, что линия возникает посредством движения точки, поскольку, на его взгляд, здесь некритически используется понятие движения. Но Гегель не принимает и платоновское учение об идеальных числах. Более того, он пытается продумать переход точки в линию как ее из-себя-выхождение. Поэтому он сталкивается с проблемой, как может граница полагаться в пространстве. Если в Йене Гегель ориентируется на платоновско-пифагорейские представления, в «Науке логики» он разрабатывает понятие чистого количества, которое пытается прояснить через обращение к Спинозе. В натурфилософии «Энциклопедии» он начинает не с эфира, как в Йене, а с пространства и времени, которые выступают в качестве более определенных примеров категории чистого количества, эксплицируемой в «Науке логики».

II

Второе издание «Энциклопедии» по-новому структурирует натурфилософию. Это новое структурирование касается непосредственно учения о пространстве и времени. Оно появляется в первом издании под титулом «Математика» как первая часть, во втором издании оно переходит в раздел «Механика», которым теперь начинается натурфилософия. Возникает вопрос, можно ли на основе сравнения соответствующих пассажей в обоих изданиях «Энциклопедии» заключить о том, какие причины побудили Гегеля к такой перегруппировке. В этом отношении публикуемые ниже тексты доработанных конспектов

⁴³ Ср. (Frank, 1923, 99 ff., 113 ff.); (Aristotle, 1976b, I, 6).

могут дать дополнительную пищу для размышления. Также следует проанализировать, намечаются ли в этих текстах небольшие изменения второго издания по сравнению с первым.

*1. НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ
«ЭНЦИКЛОПЕДИИ» В ОТНОШЕНИИ УЧЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ*

Последующая подборка имеет целью эксплицировать наиболее примечательные различия между двумя текстами. Новая, причем измененная числовая структурация здесь не учитывается. На первом месте всегда приводится фрагмент из текста 1827 года, за которым далее следует соответствующий фрагмент из текста 1817 года⁴⁴.

1. «Энциклопедия» (1827) § 254. Примечание: ...поэтому точка есть скорее отрицание и при этом помысленное отрицание пространства.

«Энциклопедия» (1817) § 197. Примечание: ...поэтому точка есть скорее отрицание пространства.

2. § 255. Примечание: поэтому нельзя сказать, за счет чего отличаются друг от друга *высота, длина и ширина*, потому что они лишь *должны* быть отличны друг от друга, но еще не *суть* различия. Остается совершенно неопределенным, должны ли мы называть некоторое направление высотой, длиной или шириной.

§ 198. Примечание: поэтому нельзя также сказать, за счет чего отличаются друг от друга *высота, длина и ширина*, потому что они лишь *должны* быть отличны друг от друга, но еще не *суть* различия.

3. § 256. Примечание: Что понятие еще не существует в созерцании, это ведь и составляет различие между ними, различие, которое приводит к требованию, чтобы было дано определение.

§ 199. Примечание: Что понятие еще не существует в созерцании, это как раз и производит различие между ними, а также требование, чтобы было дано определение. Что простому представлению является как качество, чья специ-

⁴⁴ За основу взято сравнение двух изданий, выполненное моими коллегами Х.-К. Лукасом и У. Рамайлем.

фика покоится на количественном определении, есть нечто очень простое и, например, содержится в прямом угле, в градусе и т. д.

4. § 258. Время... идеальное. Оно есть бытие, которое, посредством того, что оно *есть*, *не* есть, и посредством того, что оно *не* есть, *есть*; оно есть *созерцаемое* становление. Это означает, что хотя различия всецело *мгновенны*, то есть суть непосредственно снимающие себя различия, они, однако, определены как *внешние*, то есть как сами *себе* внешние.

§ 201. Время... идеальное бытие, которое посредством того, что оно *есть*, *не* есть, и посредством того, что оно *не* есть, *есть*.

5. § 258. Примечание: время подобно пространству есть *чистая форма чувственности* или *созерцания*, нечувственное чувственное...

§ 201. Примечание: время подобно пространству есть *чистая форма чувственности* или *созерцания*...

6. § 258. Примечание: Реальное и тождественно времени, и отлично от него. Реальное ограничено, и иное этого отрицания находится *вне* его; в нем, следовательно, определенность является внешней себе. Абстракция этой внешности и есть само время.

§ 201. Примечание: Реальное как тождественно, так и отлично от времени.

7. § 258. Примечание: Понятие же...

§ 201. Примечание: Само время *вечно*, так как именно оно, — а не *какое-то* время, и не «теперь», но время как время, — есть его понятие. Оно...

8. § 258. Примечание: мы не должны брать понятие вечности отрицательно, не должны рассматривать ее как абстракцию от времени, не должны думать, что она существует как бы вне последнего, а также, разумеется, мы не должны понимать вечность в том смысле, что она наступает *после* времени: тем самым вечность превратилась бы в будущее, в один из моментов времени.

§ 201. Примечание: мы не должны брать понятие вечности как *снятое* время, а также, разумеется, мы не должны понимать вечность в том смысле, что она наступает *после* времени: тем самым вечность превратилась бы в будущее, в один из моментов времени. Кроме того, мы не должны придерживаться того понимания, согласно которому время только отрицает, тогда как вечность есть простая абстракция от него. Наоборот, время в его понятии есть, — как и само понятие вообще, — вечное, и поэтому также абсолютно настоящее.

9. § 259. ...настоящее как «теперь», которое как единичность *исключает*, но вместе с тем вполне *непрерывно* в другие моменты...

§ 202. ... настоящее как «теперь»...

10. § 259. Примечание: *Конечное* настоящее есть «теперь», фиксированное как *существующее*; оно отлично от *отрицательного*, от абстрактных моментов прошедшего и будущего, так как оно есть конкретное единство, есть, следовательно, утвердительное; но само это бытие есть лишь абстрактное бытие, исчезающее в ничто.

§ 202. Примечание: *Конечное* настоящее отличается от *вечного* тем, что оно есть как «теперь» и поэтому его абстрактные моменты, прошедшее и будущее, отличаются от него как конкретное единство; вечность же как понятие содержит в себе эти моменты, и ее конкретное единство не является поэтому «теперь», так как она есть спокойная идентичность, конкретное бытие как всеобщее, не нечто, наподобие становления, исчезающее в ничто.

11. § 259. Примечание: Этой способности принцип времени достигает лишь тогда, когда время парализуется, когда отрицательность времени низводится рассудком до *единицы*.

§ 202. Примечание: Этой способности принцип времени достигает лишь тогда, когда время парализуется, когда отрицательность времени низводится рассудком до *единицы*. Созерцание содержит здесь, как и обычно, более высокую относительную истину, чем рассудок сам для себя, так как он существует только абстрактно, оно же — конкретно.

12. § 259. Примечание: Можно было бы шире развить мысль о *философской математике*...

§ 202. Примечание: Поэтому наука, которая имеет единицу в качестве принципа, составляет противоположность геометрии. 3) Само наименование «*математика*» ранее, впрочем, использовалось для [обозначения] философского рассмотрения пространства и времени, так как это наименование, по крайней мере, лучше всего подходит к такому рассмотрению, несмотря на то, что математика рассматривает только *определение величины* [т. е. пространства и времени], и из этих [предметов] она также, напомним, не рассматривает само *время*, но только единицу в ее фигурациях и связях. — В *учении о движении* время становится предметом этой науки; тем не менее *прикладная математика* ни в коем случае не является *имманентной* наукой, так как она есть примене-

ние чистой математики на некотором конкретном материале и его определений, взятых из опыта. 4) Можно было бы шире развить мысли о *философской математике*...

13. § 259. Примечание: Другие математические определения, как, например, *бесконечное*... находят свое истинное понятие в самой философии. Было бы совершенно неправильно заимствовать их для последней из математики..., в которой они берутся без понятия (*begrifflos*)..., а их исправления... скорее можно ожидать от философии. Лишь вялость мысли, желая избавиться от труда определения понятий, прибегает к формулам, не являющимися даже непосредственным выражением мысли, и к их уже готовым схемам.

§ 202. Примечание: другие математические определения, такие как *бесконечное*... находят свое истинное понятие в самой философии. Было бы неправильно заимствовать их для последней из математики..., в которой они берутся без понятия (*begrifflos*)..., а их исправления... скорее можно ожидать от философии.

14. § 259. Примечание: Истинно философской наукой математики как *науки о величинах* была бы наука о *мерах*; но последняя уже предполагает наличие реальных особенностей вещей, которые существуют лишь в конкретной природе. Вследствие *внешнего* характера величины эта наука была бы, кроме того, самой трудной.

§ 202. Примечание: Истинно философской наукой математики как *науки о величинах* была бы наука о *мерах*; но последняя уже предполагает наличие реальных особенностей вещей, которые существуют лишь в конкретной природе.

Причину нового структурирования начала натурфилософии, как кажется, проясняет фрагмент №12. Уже в первом издании Гегель замечает, что титул «математика» является не совсем подходящим, так как математика работает с пространством и временем только с точки зрения определения их величины, со временем же — вообще только очень абстрактным образом. Из фрагмента №14 можно извлечь, что во втором издании Гегель обладает более четким пониманием тех трудностей, с которыми сталкивается его философская концепция математики, понимаемая им как наука о мере. Это может послужить объяснением того, почему во втором издании он обращается с понятием математики значительно более аккуратно. Судя по всему, Гегелю стало ясно, что подходящим местом для экспликации его понимания математики являлась бы скорее логика, нежели на-

турфилософия; поэтому во втором издании он добавил к *логике бытия* два новых примечания, касающихся математики. Остальные изменения носят частный характер. Примечательно, что в основном Гегель придает значение уточнению понятия времени. Время описывается отчетливее: как созерцаемое становление (№4), как нечувственное чувственное (№5). Примечательным образом во втором издании пропадает тезис о том, что само время вечно (№7), что оно есть абсолютное настоящее (№8). Далее, во втором издании больше не проводится столь тщательного различия между понятием, созерцанием и простым представлением (№3), так же как и между рассудочным мышлением и созерцанием (№ 11). Это и понятно, поскольку о созерцании и представлении эксплицитно идет речь в разделе о субъективном духе (второе изд. §446 ff.).

2. УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ. ХОД МЫСЛИ В ОБОИХ ДОРАБОТАННЫХ КОНСПЕКТАХ

Перед тем как рассматривать отношение доработанных конспектов к двум первым изданиям «Энциклопедии», следует сначала обрисовать ход мысли, представленный в этих доработанных конспектах⁴⁵. Пространство и время именуется «двумя способами вне-себя-бытия» (A) или «двумя формами вне-себя-бытия» (U). Пространство есть безразличное вне-себя-бытие как покоящееся, время — вне-себя-бытие в своем отрицании как становление. По причине своей собственной диалектики пространство переходит во время (ср. U). Гегель начинает с пространства, и это предполагает, что наблюдается лишь природа, а также то, в какой определенности в ней присутствует идея. Особенность пространства — это совершенно абстрактное вне-себя-бытие (ср. U). Под этой характеристикой пространства имеется в виду дискретное многообразие «здесь», которые, во-первых, «существуют» (A), а во-вторых, являются совершенно разобщенными. Для разъяснения используется зеноновская диалектика. Поскольку различные «здесь» не отделены друг от друга посредством чего-то непространственного, они переходят друг в друга, составляют некое единство. К этому моменту дискретности добавляется другой момент — непрерывность. Оба эти момента, — «абсолютная внешность и индифферент-

⁴⁵ Посредством аббревиатуры A обозначается тот конспект, автор которого является анонимным. Посредством аббревиатуры U — тот конспект, который содержит надписанное имя Бориса фон Икскуля. Ср. дополнительно описание рукописи в разделе III. Далее будут выделены только те места, которые присутствуют лишь в одном из двух конспектов. К интерпретации учения Гегеля о пространстве и времени ср. также (Wandschneider, 1982).

ность друг по отношению к другу», с одной стороны, и «абсолютное единство», с другой стороны, составляют «вполне определенное, истинное, объективное понятие пространства» (U).

Затем следует ограничение этого понятия пространства от ньютоновского понятия, от понятия старой космологии и от кантовского. Поскольку они представляют пространство как нечто субъективное или объективное, они все еще стоят на точке зрения субъект-объектной противоположности. Также следует отказаться от разрешения пространства в точке, как атоме пространства, — как это часто имело место в высшей математике, — так как здесь обособляется всего лишь один момент пространства, его дискретность. Разделение пространства носит исключительно потенциальный характер: «можно повсюду полагать границы пространству, но не прерывать пространство» (A).

Деление пространства на три измерения предполагается в геометрии. Задачей же философии является выведение этой размерности из понятия. Понятие пространства есть единство экстериторности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому и непрерывного (*Kontinuirlichen*). В трех измерениях понятие кажется весьма формальным образом. Они различны только по числу: «...нельзя сказать, за счет чего различаются между собой высота, длина и ширина» (A). Качественное различие становится зримым только тогда, когда обдумывается значение «одного», точки. Проблема тика реальности точки, уже затронутая до этого, появляется здесь снова. Точка представляется теперь как для-себя-бытие в пространстве и как отрицание, отсылающее к самому себе. Это отрицание есть «мысль самой определенности» (U) или мысль, существующая в пространстве (ср. A). Точка является противоречием, поскольку, с одной стороны, она непространственна, а с другой — все же пространственна. В этом отдавали себе отчет еще скептики. Разрешение данного противоречия представляет собой переход точки в линию. Линия есть «становление-иным точки» (A). Когда говорят, что линия возникает посредством движения точки, то сюда привходит не принадлежащее [этому процессу] определение времени (ср. U). Соответствующим образом плоскость именуется «становлением-иным линии» (A). С одной стороны, плоскость есть отрицание отрицания, которым уже была линия в отношении точки, и поэтому она есть нечто особенное по отношению к линии, сама граница пространства. С другой стороны, плоскость есть «...отрицательное отрицания, безразличного определения вообще, и таким образом тотальность» (A).

Далее возникает вопрос о научном характере геометрии. Последняя достигает своего завершения в теореме Пифагора, так как здесь появляется абсо-

лютная пространственная определенность. Через заданное в теореме Пифагора отношение можно определить и круг. Эта дефиниция выше, чем простая, в которой круг определяется через равенство радиусов (ср. А). Гегель присоединяется к определению прямой линии Евклида. С его точки зрения, можно также сказать: «Она есть простейшая линия между двумя точками, которая имеет только одно направление» (А).

Рассуждения о времени имеют структуру, схожую с рассуждениями о пространстве. Сначала определяется понятие времени, затем речь идет об измерениях времени. К этому добавляется истолкование понятий изменение, длительность, вечность. Подобно тому, как спрашивалось о научном характере геометрии, спрашивается, существует ли наука о времени. В заключении приводятся замечания о методе математики и о переходе пространства и времени в материю. Само пространство переходит во время. Недостаток пространства состоит в том, что в нем граница, определенность, отрицание не достигают своей цели. Пространственная граница «ничего не прерывает, преобладает спокойное существование» (А). Отрицательность проявляется в пространстве как точка, которая, однако, не имеет реальности как таковая, так как, становясь пространственной, она переходит в линию. Лишь во времени точка приобретает реальность: «Время есть, таким образом, истинная точка» (U). Время может быть названо внутри-себя-бытием, пространство — пустым рассеиванием вне-себя-бытия. Внутри-себя-бытие времени есть, однако, чувственное, непосредственное, еще не свободное внутри-себя-бытие самосознания, «Духа» (U). Поэтому время является самым могущественным, но вместе с тем наиболее бессильным. Время, как и пространство, представляет собой абстракцию: «Время вообще есть абстрактное становление в природе. Когда мы созерцаем абстрактное изменение, мы имеем дело с созерцанием времени» (U). Время есть то, что не есть, посредством того, что оно есть, и есть, посредством того, что оно не есть: «Бытие непосредственно обращается в небытие и точно так же небытие — в бытие» (U). Время представляет собой чистое чередование бытия и ничто, но в непосредственности, внешности. Это непосредственное чередование бытия и ничто необходимо охватить в мысли, чтобы прийти к «общему понятию изменения» (U): «В мышлении различия полагаются как общие, в созерцании — как частные» (А). Времени, как и пространству, присуща непрерывность; «теперь» следуют друг за другом без разрывов. В этой непрерывности время есть «прехождение, которое одновременно есть постоянное возникновение» (А).

Измерения времени — прошлое, настоящее и будущее — представляют различные моменты чередования бытия и ничто. Обращение бытия в небытие

дает прошлое. Если мы удерживаем небытие, в которое суждено превратиться бытию, мы получаем будущее. Свойственное будущему ничто (*das Nichts der Zukunft*) также определено к тому, чтобы обратиться в бытие (ср. А). Прошлое и будущее объединены в «теперь» настоящего, это «теперь» составляет переход из нечего в ничто и наоборот. Во времени мы созерцаем «абсолютную диалектику» (А) в ее непосредственной форме. Время представляет собой «диалектику чувственного» (А). По-другому время называется могилой происходящего, которую хранит Дух.

«Теперь» настоящего двойственно. Во-первых, оно преходяще; однако будучи представленным как всеобщее, оно есть длительность, длительность времени, которой противопоставляется изменение. В этой связи Гегель критикует ньютоновское понятие абсолютного времени, которое, как и пространство, представляется «вместилищем, где происходит то или иное» (U). Изменяющееся и время не являются таким образом внешними себе. Изменение не только происходит во времени, но само временно. Из этого следует, что нет времени там, где не происходит никаких изменений. Это ведет к уточнению понятия длительности. Конечные вещи длятся только относительно; поскольку они принципиальным образом подлежат изменению, они временны. Абсолютная безвременность и длительность присуща только вечности: «Вечности не причастно природное время, понятие же времени само вечно» (А). В отношении понятия времени вечность эксплицитно называется абсолютным настоящим.

Науке о пространстве, геометрии, не соответствует наука о времени. В отличие от пространства, время не обладает фигурациями. Арифметика редуцирует время к мертвой единице, которое способно к внешним комбинациям. Фигурации появляются здесь через внешнюю компоновку единиц. Поэтому арифметика аналитична. Возникает вопрос об альтернативе, о некоей философской математике. Нельзя недооценивать, что математика является наукой рассудка, исходящей из конкретных определений рассудка. Следует оставить ей этот своеобразный способ существования (ср. А). Ее можно даже назвать «изящной наукой» (U). Если захотят сделать математику философской, нужно будет превратить чувственное в мышление. Это возможно, но являлось бы делом трудным и неблагодарным, «так как пространство и время как высшая внешность должны были бы быть втиснуты в мышление» (А). Соответствующие попытки пифагорейцев и масонов Гегель отвергает.

Переход от пространства и времени к материи становится доступным только для спекулятивного рассмотрения. Пространство и время как таковые снимают свои абстракции и делаются материей. Пространство переходит во

время, поскольку отрицание, существующее в его понятии, не полагается в нем самом. Но отрицание, существующее только во времени и относящееся к себе, должно быть положено и в самом пространстве, то есть пространство должно полагаться временно. Также и время требует отношения к пространству. Время есть непосредственное исчезновение бытия и ничто, которое не приходит к какой-либо устойчивости, к какому-либо бытию. Время есть чистое прехождение, где то, что проходит, не является наличным. Через материю время получает этот недостающий субстрат; время полагается посредством движения в пространстве.

3. ССЫЛКИ НА ИСТОРИЮ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИЮ МАТЕМАТИКИ

Гегель развивает свое учение о пространстве и времени, ясно сознавая то, что он избегает наглядности. В позитивном смысле он присоединяется к известным античным представлениям. Так, в самом начале зеноновская диалектика старается объяснить дискретность многих «здесь» (ср. A Ms.-пагинация 75r и соответствующая в U). Подобно тому, как эта диалектика имеет чистое бытие Парменида в качестве результата⁴⁶, утверждение дискретности пространства ведет, судя по всему, к другому моменту — непрерывности. Как представляется, здесь содержится намек на субстанциальное понимание пространства, поскольку предметом мысли была бы именно его непрерывность в смысле бытия Парменида. «Наука логики» указывает в своем прояснении понятия чистого количества в том же направлении. В качестве конкретных примеров чистого количества приводятся также пространство и время. Для историко-философского истолкования понятия чистого количества Гегель обращается к концепции бесконечного количества Спинозы⁴⁷. Эти отсылки указывают на то, что Гегель по-прежнему мыслит пространство субстанциально-метафизически, хотя он больше и не связывает его, как в Йене, с теорией эфира⁴⁸.

Возражение против концепции абсолютного пространства Ньютона состоит в том, что оно есть только абстракция. Относительное пространство более истинно, чем абсолютное, так как сущность пространства в том, чтобы быть материально наполненным (ср. A 77r). Это утверждение Гегеля проясня-

⁴⁶ Ср. (Hegel, 1978, 11, 120).

⁴⁷ Ср. (Hegel, 1978, 112 ff.); ср. здесь же раздел I, 2.

⁴⁸ Ср. снова раздел I, 2.

ется ближе к концу рассуждений о пространстве и времени, где показывается, что пространство и время с необходимостью переходят в материю и движение, так как сами по себе они не в состоянии исчерпывающим образом представить диалектику дискретного и непрерывного. Далее Гегель продолжает разбираться с теориями пространства старой космологии. Здесь, стало быть, подразумеваются: теория пространства Ньютона, где пространство овеществляется; теория пространства Лейбница, где оно понимается как порядок вещей; а также теория пространства, принадлежащая, по всей видимости, Фихте, в которой пространство создается трансцендентальным Я⁴⁹. Согласно Гегелю, пространству должна быть присуща объективность — при этом не в смысле Лейбница, который определяет пространство как идеальный порядок феноменов. Лейбниц различает абстрактный порядок пространства и действительный порядок сосуществующих вещей. С другой стороны, пространство для него есть относительное понятие, так как оно возникает через абстрагирование от данного⁵⁰. Лейбниц различает, далее, пространство, принадлежащее индивидуальной монаде, и чистое пространство отношений, т. е. пространство как совокупность мест, которые могут быть заняты телами⁵¹. Когда Гегель требует мыслить пространство максимально абстрактно, вне субъект-объектного противопоставления, он, кажется, снимает лейбницианское разделение между пространством монад и пространством отношений, желая принять идеальное пространство отношений, укорененное в субстанции вещей. По причине особой идеальности, свойственной этому пространству, Гегель вслед за Кантом мог бы назвать его чистой формой. Если в этом пункте он соглашается с Кантом, то расходится он с ним в том, что исходит из определенного понятия пространства, а не из пространства как чистого созерцания. Гегель мог бы согласиться с Кантом еще в одном пункте. Он присваивает себе разрешение первой антиномии «Критики чистого разума». Пространство можно повсюду ограничить, а полагаемые границы снова и снова снимать; оба варианта суть только возможности (ср. А 81r). Но все же Гегель рассуждает иначе, нежели Кант. По его мнению, речь идет о том, чтобы представить дискретность и непрерывность лишь как моменты понятия пространства.

Когда Гегель демонстрирует относительность измерений пространства (ср. А 82v), вполне возможно, что он имеет при этом в виду соответствующие

⁴⁹ Ср. (Gosztonyi, 1976, 329 ff.), (гл. 5–9). Относительно Фихте ср. (Fichte, 2000, 626–641).

⁵⁰ Ср. (Böhle, 1978, 182, 185 ff.).

⁵¹ Ср. (Kaulbach, 1960, 19, 46).

рассуждения Аристотеля⁵². Аристотель учит, что верх и низ, право и лево, перед и зад находимы не в каждом теле, но только в одушевленных телах. Для него верх есть начало длины, право — начало ширины, а перед — глубины. Эти направления связаны с началом движения. О правом и левом в неодушевленных телах говорят только в переносном смысле и т. д. По Аристотелю, таким образом, следует сказать, что в пространстве потому не обнаруживаются четкие различия, что оно не является одушевленным.

Чтобы объяснить особую природу точки, Гегель ссылается на скептиков, которые хорошо понимали и показали, что точка есть противоречие (ср. А 83v). Как явствует из «Лекций по истории философии», Гегель ссылается на рассуждения Секста Эмпирика: «Секст подвергает конкретному рассмотрению отдельные науки, проявляя при этом огромную силу абстракции. Так, например, он опровергает различные определения геометрии, притом не внешним образом, но в себе (in sich). Секст критикует расхожую математическую точку зрения, согласно которой существует (es giebt) точка, пространство, линия, плоскость, единица и т. д. Он берет все научные определения и показывает на их основе иное их самих. Так, например, мы естественным образом допускаем существование точки и пространства. Точка есть пространство, причем нечто простое в пространстве, у нее нет измерений; но если она не обладает измерениями, то она не находится в пространстве. Поскольку «одно» пространственно, мы называем его точкой; если это имеет какой-то смысл, то оно должно быть пространственным и как нечто пространственное иметь измерения, но тогда это уже не точка. Она [точка] есть отрицание пространства, поскольку же она есть граница пространства, она соприкасается с пространством; это отрицание [пространства], следовательно, причастно пространству, само является пространственным. Таким образом, точка есть нечто в себе ничтожное, но тем самым и нечто в себе диалектическое» (Hegel, 1833b, 578 ff.)⁵³. Секст Эмпирик также обращается в соответствующем месте к Эратосфену, который выводил линию из течения точки. Он не разделяет этой точки зрения, так как понятие течения уже предполагает протяжение⁵⁴. При этом он отвергает пифагорейскую объяснительную модель, на которую опирается Эратосфен⁵⁵. Но

⁵² Ср. (Aristotle, 1976a, 284b-285b).

⁵³ Ср. (Sextus Empiricus, 1975, §§ 22–28, 148–149).

⁵⁴ Ср. (Sextus Empiricus, 1975, § 28, 149).

⁵⁵ Ср. гегелевское изложение пифагорейского учения на основе сочинения Секста-Эмпирика (Hegel, 1833a, 260 ff.). Ср. также выше раздел I, 2 с прим. 47.

не только Эратосфен, но также Прокл, Николай Кузанский и Джордано Бруно принимали пифагорейскую концепцию⁵⁶. В соответствующих местах обоих доработанных конспектов заметно влияние Секста на Гегеля также и в этом пункте. Как и Секст, Гегель выступает против представления о том, что линия возникает через движение точки. При реконструкции разработанного Кавальери метода неделимых во втором издании «Науки логики», в третьем примечании о математически бесконечном, Гегель снова сталкивается с этой проблемой. Переход от точки к линии он мыслит как из-себя-выхождение точки: «...переход линии в плоскость следует понимать как *из-себя-выхождение* линии, равно как из-себя-выхождение точки есть линия, а плоскости — целое пространство. То же самое имеет место, когда представляют себе, что *движение* точки есть линия и т. д.; но движение заключает в себе временное определение и поэтому выступает в том представлении лишь как случайное, внешнее изменение состояния; здесь же мы должны брать эту определенность понятия, которую мы выразили как из-себя-выхождение, — качественное изменение...» (Hegel, 1985, 302). Когда Гегель подчеркивает в текстах доработанных конспектов, что линия не состоит из точек, а плоскость из линий (ср. А 86r), можно сначала предположить, что он выступает против метода Кавальери. Однако, как он разъясняет в примечании к «Науке логики», хотя Кавальери и говорит о составлении, о существовании непрерывного на основе неделимых⁵⁷, не следует замыкаться на таком внешнем образе мысли. В этих текстах Гегель обращается не против Кавальери, но в самом общем виде против подхода математиков эпохи барокко, предполагавшего нерелексивное использование метода неделимых⁵⁸.

Под конец своих размышлений о пространстве Гегель ссылается на геометрию Евклида. Когда он утверждает, что определение круга выражает не что иное, как отношение теоремы Пифагора (ср. А 88v), он, кажется, имеет в виду определение радиуса через катеты трансформирующегося прямоугольного треугольника⁵⁹. Но возможно, что он ссылается на измерение круга у Архимеда, который приравнивает круг к прямоугольному треугольнику, один катет которого соответствует радиусу, другой — длине окружности. Третье примеча-

⁵⁶ Относительно учения Прокла ср. (Beierwaltes, 1965, 173). Относительно учений Н. Кузанского и Дж. Бруно ср. указания в (Moretto, 1984, 89 ff.) (как прим. 1).

⁵⁷ Ср. (Hegel, 1985, 305 ff.).

⁵⁸ Ср. (Fleckenstein, 1974, 119).

⁵⁹ Эта интерпретация принадлежит А. Moretto. Ср. ее в прим. 1 названной книги, (Moretto, 1984, 82 ff.).

ние «Науки логики» о математически бесконечном эксплицитно заводит речь об этом методе Архимеда⁶⁰.

При прояснении своего понятия времени Гегель снова отграничивается от Ньютона (ср. А 99v). Абсолютное время, как и абсолютное пространство, сродни некоторому вместилищу. Подобно тому, как он противопоставлял абсолютному пространству относительное пространство, теперь Гегель противопоставляет времени, в котором нечто возникает и преходит, время как изменение самих вещей. От понятого таким образом времени отличается вечность как абсолютная вневременность и абсолютное настоящее (ср. А 101r). Это описание времени напоминает о Плотине, который понимает вечность как вневременное «теперь»: «...все собрано в одной точке, словно никогда не вступало в течение, но пребывало в том же самом, в себе, и не изменялось, будучи существующим вечно, ибо ничто из него не ускользнуло, ничто не возникло, но то, что есть, то и существует» (Plotinus, 2004, 369–370). Плотин также сравнивает вечность с кругом. Она есть круг, очерченный вокруг своего начала как центра. Так как этот круг является безграничным, он тождественен с точкой центра, которая в себя все вбирает⁶¹. Таким образом, как у Гегеля, так и у Плотина точка получает центральное значение.

Сравнивая время с огнем (ср. А 102r), Гегель ссылается на Гераклита. «Лекции по истории философии» содержат эксплицитную отсылку на античного философа:

Так как Гераклит не остановился на логическом выражении становления, но сообщил своему принципу форму сущего, это обусловило то, что сперва такой формой ему должна была представиться форма времени; ибо именно в чувственном, в созерцаемом время есть первое, что обнаруживается в качестве становления, это первая форма становления. Время есть чистое становление, как созерцаемое. [...] Но это чистое предметное понятие должно реализовываться далее. Во времени моменты, — бытие и небытие, — положены лишь как отрицательные или непосредственно исчезающие. Поэтому Гераклит определяет этот процесс более строго, прибегая к физическим понятиям. Время есть созерцание, но взятое совершенно абстрактно. Если мы захотим представить то, что оно есть некоторым реальным образом, то есть выразить оба момента как тотальность для себя, как существующую: то возникает вопрос, какая физическая сущность соответствует этому определению. Время, облаченное в эти моменты, есть процесс; понять природу означает: представить *ее* как процесс. Это подлинное завоевание Гераклита и истинное понятие. И поэтому нам сразу же становится ясно, что Гераклит не мог сказать, что сущность есть воздух, или же вода, или что-то

⁶⁰ Ср. (Hegel, 1985, 300).

⁶¹ Ср. (Plotinus, 2004, 369–370).

наподобие этого, так как они сами по себе (и это лежит на поверхности) не являются процессом. Таковым является только огонь; поэтому он и утверждает, что огонь есть первая сущность, и это реальная форма гераклитовского первоначала, душа и субстанция процесса природы... Огонь есть физическое время; это абсолютное беспокойство, абсолютное разрушение существования: гибель другого, но также и его самого; он не является пребывающим. И поэтому мы понимаем (это вполне закономерно), что Гераклит, исходя из своего основополагающего определения, мог назвать огонь понятием процесса. (Hegel, 1833a, 338–340)

В заключение Гегель касается числовой символики масонов и пифагорейцев (ср. А 104v-105r). Он повторяет здесь рассуждения из «Науки логики»⁶². Поясняя, что числа находятся между чувственностью и свободным мышлением, он солидаризируется с концепцией Платона, на которую указывает также во второй редакции «Логике бытия»:

Древние определенно сознавали, что число находится между чувственным и мыслимым. Согласно Аристотелю (Met. I, 5), Платон утверждал, что помимо чувственно воспринимаемого и идей, между ними, находятся математические определения вещей; от чувственно воспринимаемого они отличаются тем, что они невидимы (вечны) и неподвижны, а от идей — тем, что они существуют множественно и есть нечто подобное, тогда как идея абсолютно самоидентична и едина в себе. (Hegel, 1985, 204)

4. ДВА ДОРАБОТАННЫХ КОНСПЕКТА И ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВТОРОМ ИЗДАНИИ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Доработанные конспекты не содержат подробностей относительно раздела по математике в первом издании «Энциклопедии» (ср. выше раздел II, 1 № 12). В доработанном конспекте (А) имеется только короткое замечание: «Математика есть, собственно, определение величины» (103r). Однако оба доработанных конспекта, как и второе издание «Энциклопедии» (ср. выше II, 1 № 14), подчеркивают, что разработка философской математики была бы делом трудным и неблагодарным. В качестве обоснования в доработанном конспекте (А) говорится, что «пространство и время как высшая внешность должны были бы быть втиснуты в мышление» (104v). Поскольку Гегель в своем учении о пространстве и времени, должно быть, намеревается разработать именно философское, а не расхожее, понятие математики, во избежание путаницы он вынужден отказаться от дальнейшего использования слова «математика». Путаница появляется также в другом отношении. Если проследить ход мысли доработанных

⁶² Ср. (Hegel, 1978, 128 ff.).

конспектов, бросается в глаза различие между понятием пространства и времени и его реализацией. Это становится особенно заметно при переходе от пространства и времени к материи и движению. Отношение дискретности и непрерывности — двух моментов понятия пространства — не проясняется с самого начала, но становится проблемой прямо в процессе рассуждения. Искомым является понимание дискретности, которое ставит ее в определенное отношение к непрерывности. Речь идет о том, какое значение приписывается точке. Точка представляет собой противоречие: она есть отрицание пространства и в то же время соотносится с ним, а значит — пространственна. Первоначально разрешение противоречия кажется простым: а именно, точка переходит в линию. При этом используется пифагорейское представление о текучести точки. Тем самым, однако, не проясняется логическая природа перехода. Линия, видимо, понимается как становление-иным точки. В процессе концептуализации времени становится явным, что для понимания этого перехода от точки к линии еще отсутствовало решающее основание. Только во времени отрицательность точки становится действительной. Как явствует из последующих рассуждений, реализация точки во времени также является относительной. Внутри-себя-бытие времени по-прежнему носит чувственный характер, оно еще не является свободным внутри-себя-бытием Духа. «Теперь» не хватает длительности, только вечность есть абсолютное настоящее. Тем самым дается основание для перехода от пространства и времени к материи и движению. Пространство и время не могут реализовать диалектику дискретности и непрерывности на самих себе. Мыслим, однако, и другой переход. Диалектика дискретности и непрерывности, проявляющаяся в пространстве и времени, могла бы раскрыться в философской математике, в которой пространство и время хотя и рассматривались бы в их количественной определенности, но где также учитывалось бы качественное значение для-себя-бытия, т. е. точки. Привычная математика пренебрегает этим качественным моментом. Так, арифметика сводит отрицание времени к мертвой единице. Философская же математика, напротив, должна иметь в качестве предмета рассмотрения действительно ставшее во времени для-себя-бытие, с тем чтобы освободить его от присущего ему чувственного бытия-связанным. Как показывают содержащиеся в «Науке логики» примечания Гегеля к проблеме математически бесконечного, построение такой математики нуждается в подробном разбирательстве с современной математикой и с историей математики. Гегель, должно быть, осознавал, что рассуждения о пространстве и времени были неподходящим местом для экспликации его понятия математики. Кроме того, диалектика дискретности и непрерывности

нуждалась в дальнейшем развитии, чтобы могла возникнуть философская математика. С одной стороны, увязывание математики с учением о пространстве и времени вовсе не является бессмысленным. Интенция Гегеля при этом была очевидна: преодолеть таким образом чисто формальную математическую точку зрения и привлечь внимание к требующим учета качественным моментам. С другой стороны, нельзя не отметить, что Гегель выбрал обозначение «математика» для учения о пространстве и времени, следуя традиции, в том числе, учению Канта об аксиомах созерцания в «Критике чистого разума». Он явным образом желает следовать пониманию математики как рассудочной науки, заданному Кантом. Однако вскоре он, судя по всему, заметил, что его размышления не позволяют остаться при таком понимании математики, что построенное философской математики потребовало бы более развернутого изложения, в результате чего структура главы о пространстве и времени оказалась бы разрушена.

Что касается небольших изменений во втором издании, то кое-что осталось совсем не тематизированным ни в том, ни в другом доработанном конспекте (ср. выше II, 1. № 10). Проведенное в первом издании различие между понятием, созерцанием, представлением и рассудком (ср. №3 и 11) не используется. Это не означает, что в доработанных конспектах происходит полный отказ от данных различий (ср. А 78v, 84r, 89v, 92r, 93v, 97r, 98r, 105 v, 106 r, 111 v, 112 r). Ни один из доработанных конспектов не содержит подробностей в отношении конца примечания к § 202, где идет речь об отношении между математикой и философией, а также о математике как науке о мере (ср. № 13 и 14). Что касается двух изменений в разделе о пространстве, то первое (ср. № 1) представляет уточненную формулировку, которую требует по смыслу как текст первого издания, так и ход мысли доработанных конспектов (в последних, конечно, речь идет не о «мыслимом отрицании пространства». Второе изменение (№ 2) можно истолковать как резюме пространного рассуждения, содержащегося в доработанных конспектах, об относительности пространственных измерений. Отсутствующий во втором издании тезис о том, что само время вечно (№ 7), что оно есть абсолютное настоящее (№ 8), еще содержится в доработанном конспекте (А), хотя и в другом месте (ср. А 101 r). В соответствующем месте доработанного конспекта (U) встречается только отождествление вечности и абсолютного настоящего. Можно сказать, что в зимнем семестре 1821/22 годов Гегель еще не был готов расстаться с неоплатоническим элементом своего учения о времени. В отношении того, стоит ли приобщать доработанные конспекты к сравнению разных изданий, в принципе следует заметить, что к этой работе следовало бы

привлечь доработанные конспекты других лет. Это позволило бы подтвердить догадку о том, что при переработке первого издания «Энциклопедии» Гегель опирался на свои лекции не только в общем, но и в частности. Но и тогда вынесение окончательного суждения по этому поводу не будет возможным, так как на сегодняшний день нам уже не доступны все материалы — например, рукописи лекций Гегеля (ср. выше I, 1, а также Прим. 27).

Если сравнить доработанные конспекты с двумя первыми изданиями «Энциклопедии», легко заметить, что хотя некоторые темы, обозначенные в «Энциклопедии», полностью отсутствуют, основной ход мысли становится существенно яснее благодаря подробному изложению. В «Энциклопедии» полностью отсутствует экспликация точки. Она не обозначается ни как существующая в пространстве мысль, ни как самореферентное отрицание. Также отсутствует важный тезис, что только время есть истинная точка. Далее, не достает основных исторических ссылок, с помощью которых впервые становится понятной оригинальность гегелевской позиции. Не упоминаются: Зенон, предшествующая космология, скептики. Отсутствует также важное сравнение времени с огнем.

Информативность доработанных конспектов немного разнится. Доработанный конспект (A) в отличие от (U) иногда содержит пассажи, которые могут рассматриваться в качестве повторений (ср. A 72 v, 95 r). В других местах тексты несколько расходятся (ср. 79 v, 93 r/93 v). В некоторых местах один доработанный конспект содержит пассажи, которые отсутствуют в другом, и наоборот, хотя речь здесь не идет об объемных вставках. Явным образом не встречается обращений к так называемому «Йенскому тексту», т. е. [разделу, посвященному] натурфилософии, из «Реальной философии» 1805/1806 годов. Обнаруженные Хоффмайстером места не содержатся в доступных пассажах ни того, ни другого доработанного конспекта, при этом последние весьма отчетливо выделяются — как содержательно, так и терминологически — на фоне «Йенских текстов».

Не вдаваясь в частные различия между вторым и третьим изданием «Энциклопедии», следует отметить кое-что существенное. Третье издание уточняет в вводных параграфах о пространстве (§ 254 Прим.) понятие точки: «точка, для-себя-бытие» (2-е изд.: «точка»). В последующих параграфах содержится важный ход мыслей доработанных конспектов, полностью отсутствующий в двух первых изданиях «Энциклопедии»: «О необходимости этого перехода не думают. Он представлен во внешнем понимании и определении точки, линии и т. д., но только как нечто случайное. Первый способ перехода к определению:

когда точка *движется*, появляется линия и т. д.». В конце этого параграфа, в отличие от двух первых изданий, приводится обоснование того, что определение прямой линии, — кратчайшее расстояние между двумя точками, — является аналитическим: «То, что это определение является аналитическим, легко пояснить тем, что прямая линия редуцируется к простоте направления; простота же, взятая в отношении *количества*, дает определение *наименьшего* количества, в данном случае — кратчайшего пути». Гегель подхватывает здесь мысль, которая формулируется также и в обоих доработанных конспектах (ср. А 89 v).

III

Экспозиции текста должны быть предпосланы некоторые редакционные замечания. Доработанный конспект (U) содержит на титульной странице имя Бориса ф. Иксюля. Этот манускрипт является собственностью отдела рукописей Университетской библиотеки Вюрцбурга, которая любезно предоставила Гегелевскому архиву фотографическую версию манускрипта, а также фотографии заметок на полях. Этот доработанный конспект первоначально находился в собрании Франца ф. Баадера и был приобретен библиотекой Вюрцбургского университета в 1841/1842 годах. Речь идет о рукописи уменьшенного формата *in folio*, примерно 29x18 см. Манускрипт содержит I лист и 354 пронумерованных автором доработанного конспекта страницы; страница 354 не пронумерована. Указатели параграфов, относящиеся к первому изданию «Энциклопедии», приведены как на полях текста, так и непосредственно в самом тексте. Текст написан красивым почерком, без аббревиатур и почти без сокращений. Заметки на полях сделаны частично чернилами, частично карандашом. Некоторые пассажи подчеркнуты карандашом. Периодически встречаются пробелы в словах, которые впоследствии были восполнены другой рукой (чернилами и карандашом). Очевидно, автор доработанного конспекта имел в своем распоряжении собственные записи лекций, которые в некоторых местах он не мог разобрать. Титул написан от руки частично по-латински, частично по-немецки. Над титулом имеется эпиграф: «Non nisi sapiens liber»⁶³. Сам титул гласит: «Философия природы, изложенная профессором Г. В. Ф. Гегелем в Берлине 1822 г. X^{ber} Борис ф. Иксюль»⁶⁴. Содержание титула требует пояснений. Прежде всего, существует проблема расшифровки. Знак «X», стоящий после указания

⁶³ С лат. «Не только мудрая книга».

⁶⁴ Philosophie der Natur vorgetragen von dem Professor G. W. F. Hegel zu Berlin Anno 1822. X^{ber} Boris v. Uexkull.

года, не может быть однозначно проинтерпретирован как «декабрь». Во-вторых, смущает также указание года. Речь может идти только о зимнем семестре 1821/22 года, а не о летнем семестре 1822 года, в котором Гегель не читал лекций по натурфилософии. Наконец, надлежит проинтерпретировать авторство. Как явствует из сравнения рукописей, доработанный конспект предназначается для Икскюля, а не составлен им самим. Предположительно, в зимнем семестре 1821/22 года Икскюль не находился в Берлине постоянно. 28 ноября 1821 года Гегель пишет ему письмо. Очевидно, в это время его не было в Берлине. 25 января 1822 года Хинрихс в письме спрашивает у Гегеля, уехал ли уже Икскюль из Берлина⁶⁵. Тем не менее, лекционные занятия продолжались до конца марта. К. Розенкранц сообщает, что после своего гейдельбергского периода, когда Икскюль учился у Гегеля, он часто путешествовал⁶⁶. Было бы удивительно, если бы этот человек весь семестр сам просидел за конспектированием лекций Гегеля⁶⁷. Так или иначе, ему удалось обзавестись этим доработанным конспектом. Как явствует из сравнения почерков, титул написан именно его рукой. С большой долей вероятности он также сделал некоторые пометки на полях. Вписаны ли им также отдельные слова в основном тексте, точно установить нельзя, но это вполне допустимо. Различие почерков в заметках на полях с самого начала давало повод для спекуляций. За титульным листом следует страница, на которой некоторым Людвигом засвидетельствовано, что заметки на полях принадлежат руке Франца ф. Баадера. Затем идет страница, на которой — и снова другой рукой — написано, что заметки на полях сделаны старшим горным советником Баадером в Мюнхене. Эти замечания теперь нуждаются в уточнении: лишь некоторые заметки на полях принадлежат Баадеру, прочие, с большой вероятностью, сделаны непосредственно Икскюлем. То, что доработанный конспект попал в руки, а затем в коллекцию Баадера, объясняется тем, что Икскюль и Баадер были друзьями. На странице 1 текст доработанного конспекта начинается с заголовка: «Философия природы Введение».

В главе о пространстве и времени Баадер сделал заметки на полях карандашом. Некоторые из них снабжены схемами. Одни представляют собой целое предложение, другие ограничиваются одним словом. Заметки носят частично поясняющий, частично критический характер. Понятие абстрактной внешности, с которого Гегель начинает свое изложение [концепции] пространства

⁶⁵ Ср. (Hoffmeister, 1969, 297 ff., 300).

⁶⁶ Относительно длительности лекционного курса ср. выше прим. 24. Ср. (Rosenkranz, 1969, 303).

⁶⁷ Ср. (Uxkull, 1965, 9f, 161 ff., 227).

и времени, он комментирует так: «Вопреки абстрактной внутренности (понятия)». Относительно гегелевского определения времени как способа бытия-внешним он критически вопрошает: «Разве время не является [чем-то] внутренним?». В дальнейшем он пытается отграничить друг от друга пространство и время. Так, в отношении понимания непрерывности пространства как единства в экстериторности (внеположенности, *Außereinander*) одного по отношению к другому он замечает: «Во времени имеется экстериторность (внеположенность, *Außereinander*) одного по отношению к другому в единстве, [но] все же отталкивание». Беря гегелевское различие между пространством и временем, [содержащееся] в начале рассуждения о понятии времени, он интерпретирует его так: «Здесь пространство было бы свободой, время же — началом природы». Относительно определения времени как беспокойства, как чего-то неудовлетворенного он замечает: «Желание». В другом месте субъективность времени сравнивается с центром круга, который имеет пространство в качестве своей периферии: «Точка: природа несвобода различия». Пространство Баадер интерпретирует как «вездесущность», время же, которое становится пребывающим настоящим, он понимает как «вечность». По всей видимости, Баадер не согласен с тезисом Гегеля, что все вещи, подверженные изменению, являются временными, а неподверженные изменению — вневременными: «Нисколько: вещи, которые только лишь изменяются, существуют, разумеется, во времени — в таком времени (вне вечности), которое представляет собой неизменное в изменении». Длительность он склонен понимать не как безвременность, но как «свободу от времени». Касательно гегелевского пояснения, что науке о пространстве не соответствует какая-либо наука о времени, он замечает: «ощущение, не созерцание». Эти примеры показывают, что Баадер обладает иным пониманием пространства и времени, нежели Гегель, что нужно обращаться к его собственным сочинениям, чтобы по-настоящему познакомиться с его точкой зрения.

Оригинал другого доработанного конспекта (А) находится в Гегелевском архиве Рурского университета Бохума. Он был приобретен издательством Майнера и передан Гегелевскому архиву. Автор доработанного конспекта неизвестен. Отсутствует также указание на год его составления. Во время войны манускрипт пострадал от теплового воздействия: страницы приобрели ярко-коричневатый оттенок. Нескольких страниц не хватает. Некоторые страницы доработанного конспекта вложены в файлы из защитной фольги и скомпонованы в две папки. Рукопись имеет формат *in quarto*, примерно 20x17 см. Манускрипт пронумерован постранично (хотя не везде) карандашом, начи-

ная с титульного листа и до стр. 449; затем следуют фрагменты страниц. Титул гласит: «Натур-философия, изложенная профессором Гегелем». Со второй страницы под заголовком: «Натур-философия» начинается текст доработанного конспекта. Между страницами 257 и 270 текст отсутствует; фрагменты страниц, находящихся в конце, могут принадлежать как раз к этой части текста. Встречающиеся в тексте номера параграфов относятся к первому изданию «Энциклопедии». Текст написан красивым почерком без аббревиатур и почти без сокращений. Он улучшен другой рукой, где-то — чернилами, где-то — карандашом, и снабжен заметками на полях, а также подчеркиваниями. Улучшения часто впервые проясняют смысл. Это свидетельствует о том, что автор доработанного конспекта не мог правильно расшифровать имеющиеся у него записи или не понимал их содержания. Множественные совпадения с доработанным конспектом Икскуля и еще одним имеющимся в нашем распоряжении конспектом лекций (*Mitschrift*) того же зимнего семестра дают возможность датировки, так что в дальнейшем становится возможным сопоставление двух доработанных конспектов лекций о натурфилософии зимнего семестра 1821/22 гг. — Относительно лекций зимнего семестра 1821/22 гг. ясно, что они связаны с репетиториями⁶⁸. Так как ни один из доработанных конспектов не представляет собой запись, сделанную непосредственно во время лекций на слух, но скорее домашнюю работу, вполне возможно, что им предшествовало посещение репетиторий, которое оказало влияние на их составление.

[...] ⁶⁹

Я благодарю своего коллегу д-ра Ханса-Кристиана Лукаса за помощь в транскрипции и частично в обработке доработанного конспекта U, также г-на профессора Фридрихельма Николина за его многочисленные замечания, в особенности касающиеся построения текста.

REFERENCES

- Aristotle. (1976a). On the Heavens. II, 2. 284b–285b. In *Sochineniya v 4 tomah. T. 3* (263–378). Rus. Ed. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
- Aristotle. (1976b). Metaphysics. I, 6. In *Sochineniya v 4 tomah. T. 1* (63–368). Rus. Ed. M.: Mysl' Publ. (In Russian)
- Beierwaltes, W. (1965). *Proclus. Grundzüge seiner Metaphysik*. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.
- Betzenhöfer, W. (1922). *Hölderlins Studienjahre im Tübinger Stift*. Heilbronn, ohne Verlag.

⁶⁸ Ср.: раздел I, 1 с прим. 24.

⁶⁹ Далее опущен небольшой фрагмент, разъясняющий особенности немецкого издания текста. — *Прим. пер.*

- Böhle, R. (1978). *Der Begriff des Individuums bei Leibniz*. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain.
- Bonsiepen, W. (1985a). Hegels Raum-Zeit-Lehre. Dargestellt anhand zweier Vorlesungsnachschriften. In F. Nicolin & O. Pöggeler (Hg.), *Hegel-Studien*, 20 (9–38). Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Bonsiepen, W. (1985b). Review of the Book “Hegel e la matematica dell’ infinito”, by Antonio Moretto. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, 8 (1), 58–61.
- Bucher, Th. G. (1983). Wissenschaftstheoretische Überlegungen zu Hegels Planetenschrift. *Hegel-Studien*, 18, 65–137.
- Dirksen, E. H. (1827). Review of the Books: „Neue Principien des Fluetencalculs, enthaltend die Grundsätze der Differenzial- und der Variations- Rechnung unabhängig von der gewöhnlichen Fluxionsmethode etc.“, by F. W. Spehr. « Resumé des Leçons données à l’École royale Polytechnique sur le calcul infinitésimal », by M. A. L. Cauchy. *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 1217–1271.
- Dirksen, E. H. (1829). Review of the Book „Lehrbuch der algebraischen Analysis“, by A. L. Cauchy. *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*, 27, 28, 211–222.
- Engelhardt, D., von. (1975). Naturphilosophie im Urteil der „Heidelberger Jahrbücher der Literatur“ 1808–1832. *Heidelberger Jahrbücher*, 19, 53–82.
- Fichte, J. G. (2000). The Vocation of Man. In *Fakty soznaniya. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie* (564–721). Rus. Ed. Moscow: AST Publ. (In Russian)
- Fleckenstein, J. O. (1974). Hegels Interpretation der Cavalierischen Infinitesimalmethode. *Hegel-Studien*, 11, 117–124.
- Frank, E. (1923). *Plato und die sogenannten Pythagoreer*. Halle: Max Niemeyer.
- Gosztonyi, A. (1976). *Der Raum: Geschichte seiner Probleme in Philosophie und Wissenschaften. Bd. 1*. Freiburg; München: Verlag Karl Alber.
- Hegel, G. W. F. (1833a). *Werke. Bd. 13. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Teil 1*. Berlin: Duncker und Humblot.
- Hegel, G. W. F. (1833b). *Werke. Bd. 14. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Teil 2*. Berlin: Duncker und Humblot.
- Hegel, G. W. F. (1842). *Werke. Bd. 7, Abt. 1. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Zweiter Teil. Die Naturphilosophie*. Berlin: Duncker und Humblot
- Hegel, G. W. F. (1928). *Erste Druckschriften*. Leipzig: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1938). *Nürnberger Schriften. Texte, Reden, Berichte und Gutachten zum Nürnberger Gymnasialunterricht (1808–1816)*. Leipzig: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1956). *Berliner Schriften (1818–1831)*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1967). *Jenaer Realphilosophie*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1968). *Gesammelte Werke. Bd. 4: Jenaer kritische Schriften*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1971). *Gesammelte Werke. Bd. 7: Jenaer Systementwürfe II*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1975). *Gesammelte Werke. Bd. 6: Jenaer Systementwürfe I*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1976). *Gesammelte Werke. Bd. 8: Jenaer Systementwürfe III*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1978). *Gesammelte Werke. Bd. 11: Wissenschaft der Logik. Erster Band: Die objektive Logik (1812/1813)*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1980). *Gesammelte Werke. Bd. 9: Phänomenologie des Geistes*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hegel, G. W. F. (1982). *Naturphilosophie. Bd. 1: Die Vorlesung von 1819/20*. Napoli: Bibliopolis.

- Hegel, G. W. F. (1985). *Gesammelte Werke. Bd. 21: Wissenschaft der Logik. Erster Band: Die Lehre vom Sein*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Hoffmeister, J. (Hrsg.). (1936). *Dokumente zu Hegels Entwicklung*. Stuttgart: Fr. Fromanns Verlag.
- Hoffmeister, J. (Hrsg.). (1969). *Briefe von und an Hegel. Bd. 1*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Jamme, Ch., & Schneider, H. (Hrsg.). (1984). *Mythologie der Vernunft. Hegels „ältestes Systemprogramm des deutschen Idealismus“*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Kaulbach, F. (1960). *Die Metaphysik des Raumes bei Leibniz und Kant*. Köln: Kölner Universitäts-Verlag.
- Kimmerle, H. (1967). Dokumente zu Hegels Jenaer Dozententätigkeit (1801–1807). *Hegel-Studien*, 4, 21–99.
- Leibniz, G. W. (1975). *Die philosophischen Schriften. Bd. 1*. Berlin: Weidmann.
- Lenz, M. (1910). *Geschichte der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses.
- Moretto, A. (1984). *Hegel e la “matematica dell’infinito”*. Trento: Verifiche.
- Neuser, W. (1984). Dokumente einer Entwicklung — Zu Hegels Naturphilosophie. *Dialektik*, 8, 245–257.
- Nicolin, F. (1969). Unveröffentlichte Diktate aus einer Enzyklopädie-Vorlesung Hegels. *Hegel-Studien*, 5, 9–30.
- Nicolin, F. (Hrsg.). (1970a). *Der junge Hegel in Stuttgart*. Marbach: Deutsches Literaturarchiv.
- Nicolin, F. (Hrsg.). (1970b). *Hegel in Berichten seiner Zeitgenossen*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Nicolin, F. (Hrsg.). (1977). *Briefe von und an Hegel. Bd. 4, Teil 1*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Nohl, H. (Hrsg.). (1907). *Hegels theologische Jugendschriften*. Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Plato. (1971). Timaeus. 34b. In *Sobranie Sochinenij v 3 tomah. T. 3 (1) (421–500)*. Rus. Ed. Moscow: Mysl’ Publ. (In Russian)
- Plotinus. (2004). Ennead III, 7. On Time and Eternity. In *Tret’ya Enneada (362–400)*. Rus. Ed. St Petersburg: Izdatel’stvo Olega Abyshko Publ. (In Russian)
- Ritter, J. W. (1984). *Fragmente aus dem Nachlasse eines jungen Physikers*. Hanau/Main: Müller & Kiepenheuer.
- Rosenkranz, K. (1969). *G. W. F. Hegels Leben*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (2., unveränd. reprograf. Nachdruck der Ausgabe Berlin 1844).
- Sextus Empiricus. (1975). Against the Professors. In *Sochineniya v 2 tomah, vol. 1 (61–376)*. Rus. Ed. Moscow: Mysl’ Publ. (in Russian)
- Schneider, H. (1972). Unveröffentlichte Vorlesungsmanuskripte Hegels. *Hegel-Studien*, 7, 9–61.
- Uxkull, B. (1965). *Armeen und Amouren. Ein Tagebuch aus napoleonischer Zeit. Bearbeitet und hrsg. von J.-D. Freiherr von Uexküll*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag.
- Wandschneider, D. (1982). *Raum, Zeit und Relativität: Grundbestimmungen der Physik in der Perspektive der Hegelschen Naturphilosophie*. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.